

Обещал Тан Хуаю?

Сун Цинсуй отлепил маску — и мысли мгновенно унеслись к тому Рождеству.

Помимо нескольких обязательных государственных праздников Первая средняя школа города S строжайше запрещала ученикам обсуждать и праздновать любые другие — особенно День святого Валентина, праздник Циси и Рождество.

На утренней зарядке директор специально провёл общешкольную линейку и трижды напомнил, что задача учеников — учиться, а не расслабляться.

Вернувшись в класс, классная руководительница повторила то же самое.

Разумеется, всё это влетело в одно ухо и вылетело из другого. Стоило ей выйти за дверь — и весь класс загудел.

Вокруг Сун Цинсюя все обсуждали, как проведут вечер: кто-то собирался перелезть через забор, кто-то говорил, что это опасно, и лучше просто перекусить в общежитии.

Соседка по парте улыбалась, щёки горели румянцем:

— Мои родители отпросили меня на вторую половину дня. Мы каждое Рождество всей семьёй ездим кататься на лыжах — и в этом году тоже.

Вокруг зазвучали завистливые голоса.

Сун Цинсуй вяло уткнулся лицом в руки. Он знал, что выражение у него сейчас кислое, и чтобы никого — особенно соседку — не смутить, решил спрятаться.

Прозвенел звонок с последнего утреннего урока. Сун Цинсуй хлопнул себя по щекам, заставил улыбнуться и пошёл звать Тан Хуая на обед.

Но тот, вопреки обыкновению, не собрал вещи заранее. Он неторопливо решал контрольную по математике, а на черновике — вдоль и поперёк — были исписаны формулы.

Увидев Сун Цинсюя, Тан Хуай кончиком ручки показал на стул впереди:

— Сядь. Пойдём чуть позже.

Сун Цинсуй с подозрением сел:

— Что тут решать? Сегодня в столовой кисло-сладкая свинина, опоздаем — разберут.

— Не торопись. Ты всё утро пролежал лицом в стол. На больного не похож. Что случилось?

Сун Цинсюй опустил глаза и стал теребить рукав. Молчал.

Он не сказал — и Тан Хуай не стал давить. Просто заговорил о себе:

— Раньше, когда на праздники дома никого не было, мы с Цзи Чэнем ходили в парк аттракционов или в игровой зал. Смотрели, как другие дети ноют, что родители не разрешают им то одно, то другое, — и нам с ним было вольготнее всех.

Формально Тан Хуай говорил о себе. Но Сун Цинсюй понимал: на самом деле это для него.

В горле защипало. Он шмыгнул носом и тихо сказал:

— Моя бабушка в молодости училась за границей. Она очень любила Рождество. Каждый год готовила вкусности, а потом мы ехали за город... ну, типа в поход. Холодно, правда, было...

— Поход на Рождество?

— На самом деле мы просто разводили костёр и жарили курицу. Бабушкина курица — это что-то невероятное. Я и сам научился.

— Сейчас нельзя — везде снег, огонь не разведёшь, и слишком холодно. Но когда потеплеет — давай сходим в поход? Вместе.

Глаза Сун Цинсюя вспыхнули:

— Да! Пойдём в поход, я тебе пожарю курицу! Секретный бабушкин рецепт!

Вибрация телефона вернула его в реальность. Он посмотрел на экран чата.

Тан Хуай прислал ещё одно сообщение.

[Оденься теплее. Сегодня холодно.]

Большой палец дёрнулся. Сун Цинсюй погасил экран и бросил телефон на кровать.

— Скоро час ночи. Кто в здравом уме потащится в поход в такое время? Бред.

Дверь ванной открылась. Он смыл липкую плёнку с лица, поднял глаза на своё отражение и выдохнул:

— Сун Цинсуй, ты же не собираешься идти? Ты что, спятил?

Бах.

Дверь ванной захлопнулась.

Он метнулся к шкафу. Скользнул взглядом по рядам командных форм и футболок, выхватил травянисто-зелёный вязаный худи с косами и светлые джинсы. Переоделся, схватил телефон и вышел.

У базы.

Тан Хуай стоял под тёплым жёлтым фонарём. Чёрная кожаная куртка подчёркивала его резкие, холодные черты — и вместе с тем притягивала взгляд.

Если от Сун Цинся первое впечатление — изысканная красота, то Тан Хуай — чистая, жёсткая мужская привлекательность.

Тан Хуай шагнул ему навстречу:

— А я думал, придётся подождать подольше.

— Час ночи, и ты тащишь меня в поход? — Сун Цинсуй посмотрел на пакет в его руке и нахмурился: — Ты купил только снеки? Как я тебе курицу пожарю?

— Курицу отменяем, — честно сказал Тан Хуай. — Твои руки сейчас стоят минимум семь цифр. Обожжёшься — и что тогда?

Сун Цинсуй закрыл за собой калитку и ухмыльнулся:

— Мало сказал. В прошлом году бабушка застраховала мои руки на восемь цифр.

Семья Сун Цинся работала в страховой индустрии, но его родители, по правде говоря, не слишком одобряли его карьерный выбор.

То, что сделала бабушка, — было отчасти выражением веры в него, а отчасти — посланием его родителям: ребёнок, которого вы не согрели любовью, — я согрею.

Тан Хуай повёл его к машине:

— Как бабушка себя чувствует?

Сун Цинсюй тихо хмыкнул:

— Нормально. Просто возраст, плохо слышит.

Машина стояла на ближайшей парковке. Тан Хуай усадил его, положил целый пакет снеков ему на колени.

— Если укачает — поешь немного. Скажи, что любишь, — в следующий раз куплю другое.

— М? Уже есть? Мы же вроде в поход?

Тан Хуай завёл машину и поехал в сторону центра.

— Слишком холодно, и времени мало. Сегодня поедem к Цзи Чэню.

Сун Цинсюй и Цзи Чэнь, конечно, пересекались мало — пара совместных матчей и одна реплика. Но знакомство есть знакомство. Он не стал возражать.

Тан Хуай вёл ровно. Сун Цинсюя не укачало, но он всё равно заглянул в пакет.

Сливовые леденцы и прочее — всё, что помогает от укачивания.

Сун Цинсюй долго подбирал слова. Фраза «Я давно не укачиваюсь, не надо мне это покупать» так и не была произнесена.

Потому что ощущение, что о тебе заботятся, — оно затягивает.

Он развернул сливовый леденец, положил в рот, приоткрыл окно.

Ночной ветер взъерошил чёлку. Яркие огни города ещё не успели сложиться в картинку, а машина уже замедлилась.

Сун Цинсюй подавил желание повернуться и посмотреть на Тан Хуая.

Ехали минут сорок. Остановились у роскошного караоке-клуба.

Швейцар был расторопный: увидел подъезжающую машину — тут же выбежал навстречу. Тан Хуай не любил, когда чужие руки трогают его машину, и отказался от услуг парковщика.

Кабинка — на третьем этаже. Сун Цинсюй и Тан Хуай пришли последними. Внутри — сплошь знакомые лица из индустрии. И Ли Сичэнь тоже.

Только ему было не до дверей: он увлечённо играл в кости и ничего не заметил.

Сун Цинсюй хотел подойти и поздороваться, но Тан Хуай жёстко усадил его рядом с Цзи Чэнем.

Стоило им сесть, как Цзи Чэнь подвинул бокал к Тан Хуаю:

— Я тебя целый час ждал. Не мог прийти в свой день рождения? Этот бокал — обязательный.

Сун Цинсюй повернулся к нему. В красивых персиковых глазах — неподдельное удивление:

— Сегодня у тебя день рождения?

— Ты не знал? — Цзи Чэнь посмотрел на Тан Хуая. — Нет, ну ты серьёзно? Привёл человека и даже не сказал ему, по какому поводу?

— А зачем? — Тан Хуай, опустив глаза, поднял бокал и выпил одним глотком. — Главное — что он пришёл.

Сун Цинсюй не успел его остановить. Нахмурился:

— Ты же за рулём?

Цзи Чэнь успокаивающе кивнул:

— Тут внизу полно трезвых водителей. Персонал сам вызовет.

Сун Цинсюй успокоился. С виноватым видом обратился к Цзи Чэню:

— Я не знал, что у тебя сегодня день рождения. Подожди, может, я закажу подарок с доставкой?

Час ночи. Даже если курьеры ещё работают, что можно купить в это время — Цзи Чэнь прекрасно понимал.

— Да ладно, свои люди!

Он перевёл взгляд с Сун Цинсюя на Тан Хуая и обратно. Потом сменил тему:

— Хотя если тебе прямо неловко — можешь просто перевести мне красный конверт?

Тан Хуай наполнил бокал и цокнул языком:

— Ты что, на мели?

Цзи Чэнь ухмыльнулся:

— Мне нужен не красный конверт, а WeChat.

— А-Сюй, мы знакомы столько лет, а ты до сих пор не добавил меня в WeChat? Давай-давай, прямо сейчас. Заодно посмотрю, сколько ты мне переведёшь.

Сун Цинсюй не считал свой WeChat какой-то ценностью. Он положил пакет со снеками к ногам, достал телефон и показал свой QR-код.

Между ними сидел Тан Хуай. Телефон оказался ровно над его бедром.

Тан Хуай смотрел на белые, тонкие пальцы Сун Цинсюя и тихо усмехнулся сам себе.

Цзи Чэнь сделал вид, что он сейчас глухой, и мгновенно отсканировал код.

Сун Цинсюй без лишних слов принял заявку, подумал — и перевёл восемьдесят восемь тысяч, выбрав счастливое число.

Цзи Чэнь не стал церемониться. Принял перевод, откуда-то достал микрофон и произнёс в него:

— Спасибо моему дорогому брату А-Сюю за щедрый красный конверт! В ответ желаю А-Сюю удачного весеннего сплита и победы в чемпионате!

Голос, усиленный микрофоном, заглушил даже музыку. Вся кабинка обернулась.

— Э-э-э! Чемпионство — моё! — завопил Ли Сичэнь и обернулся. — Ой? А-Сюй?! Ты тоже здесь? Ты знаком с Цзи Чэнем? Давай сюда, я уже семь раз проиграл, спасай!

Ли Сичэнь покраснел от выпитого. Сун Цинсуй тут же подскочил проверить, всё ли с ним в порядке.

Тан Хуай поднял руку — но не успел коснуться даже края его одежды.

Цзи Чэня утащили петь. Мгновение — и вокруг Тан Хуая стало пусто.

Он посмотрел на свою пустую ладонь. В глубине зрачков мелькнуло что-то тёмное. Он поднял бокал и снова выпил залпом.

Сун Цинсуй только сел рядом с Ли Сичэнем, как услышал, что компания подначивает уже осоловевшего Ли Сичэня выпить ещё.

Ему не нравились подобные вещи. Внешне — ни тени раздражения. Он просто забрал бокал и выпил сам:

— Давайте, со мной сыграете!

В кости Сун Цинсуй не умел. Проиграл два раунда, выпил два штрафных бокала — и только тогда разобрался: суть игры — чистая психология, и к тому, что у тебя в стакане, она не имеет прямого отношения.

С третьего раунда он перестал проигрывать.

Ли Сичэнь, проигрывая, лишь сильнее заводился. Он вцепился в запястье Сун Цинсуя:

— Я понял, я реально понял! А-Сюй, смотри, одну партию — обещаю, выиграю!

— Уверен? — с сомнением спросил Сун Цинсуй.

Ли Сичэнь икнул:

— Братан, я как-никак чемпион. Такая мелочь — раз плюнуть!

С этими словами он приподнял крышку стакана с костями, заглянул внутрь — и выпалил:

— Семь шестёрок!

Сун Цинсюй зажмурился от позора:

— Сам играй.

Встал, собираясь выйти подышать, — и увидел: в самой шумной компании Тан Хуай сидит в одиночестве и молча пьёт.

Оглянулся: Цзи Чэнь обнимал за плечо запасного из какой-то команды, и оба надрывались хором: «Обними меня, брат! Скажи, что у тебя на сердце!»

Сун Цинсюй: ...

Он развернулся и сел обратно — рядом с Тан Хуаем.

Три бокала давали о себе знать: голова кружилась. Он выхватил со стола нераспечатанную банку колы, выпил половину и только тогда почувствовал, что немного проясняется.

— Почему ты не поёшь с Цзи Чэнем?

— Что петь? — голос Тан Хуая был холодным. — Он уже от народных песен перешёл к року, а теперь вернулся на свою духовную родину — в Дунбэй. Мне за ним не угнаться.

Сун Цинсюй не понимал, в чём дело:

— Не хочешь петь — не пой. Зачем на мне злость срывать? Не я же тебе запрещал. И вообще, ты обещал больше не дуться. Ты меня обманул?

Пальцы Тан Хуая на бокале побелели.

— Иногда я тебя совсем не понимаю.

У Сун Цинсюя сжалось сердце. Подсознание подсказывало: фразы, начинающиеся так, к хорошему не ведут.

— Цзи Чэнь, который впервые видит тебя нормально, может звать тебя «А-Сюй». Ли Сичэнь — может. Твои фанаты — могут. Только я — нет.

— Я...

Тан Хуай не дал ему договорить:

— Ты к ним так добр. — Он смотрел на бокал, в котором оставалось лишь немного жидкости. — Но ты пришёл сегодня со мной. River, ты пришёл со мной. Помнишь?

Его слова были похожи на разъярённого зверя, мечущегося в клетке. Сун Цинсюя мотнуло.

Он оглянулся, убедился, что никто не смотрит, и сел ещё ближе:

— Ты как маленький. Я ко всем одинаково отношусь. И что такого в «А-Сюй»? Просто обращение.

Тан Хуай посмотрел на него. Неоновые блики плясали в его зрачках.

— Но почему только мне нельзя? Сейчас твой тиммейт — я. Твой AD — я!

Сун Цинсюй облизнул пересохшие губы. В голове всплыла фраза: Не в малости дело — в неравенстве. Даже среди друзей есть ближний круг и дальний.

Интуиция говорила: чтобы по-настоящему утешить Тан Хуая, бесполезно говорить что-то банальное. Нужен секрет — что-то, чего не знает никто, кроме него. Тогда Тан Хуай станет особенным.

Но есть ли у него секреты?

Стоп. Есть. Один.

Только можно ли рассказать его Тан Хуаю?

Сун Цинсюй наклонился ближе, пытаясь разглядеть его глаза. Ему нужно было понять: можно ли ему довериться?

Наверное, он выпил слишком много — лицо Тан Хуая вдруг стало лицом школьника. Юные, прохладные черты, от которых в груди Сун Цинсюя разлилась бесконечная нежность.

— Тан Хуай, ты знаешь, что такое «дример»?

Зрачки Тан Хуая резко сузились:

— Почему ты вдруг спрашиваешь?

Сун Цинсюй схватил его за запястье и затряс:

— Просто скажи — знаешь или нет! Не спрашивай ничего!

Тан Хуай глубоко вдохнул:

— Не очень.

Сун Цинсюй кивнул. Понизил голос:

— Тан Хуай, я... я скажу тебе одну вещь. Секрет. Никто не знает.

— Какой секрет?

— Кажется, у меня завёлся дример.

С этими словами он сунул Тан Хуаю под нос телефон с открытым профилем «Люблю Сюй-Сюя».

— Вот, смотри. Это он!

Тан Хуай опустил взгляд на экран. Рука, лежавшая вдоль тела, медленно сжалась в кулак.

Сун Цинсюй был изрядно пьян: рука дрогнула, и он случайно нажал «подписать».

В ту же секунду телефон Тан Хуая зазвенел уведомлением из Weibo.

<http://bllate.org/book/18105/1736397>